

В ЖАНРЕ КОММЕНТАРИЯ

DOI 10.37386/2305-4077-2020-4-103-125

М. В. Строганов¹

*Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН
Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство)*

«ВЕСЁЛЫМИ НОГАМИ». ДВА ЭПИЗОДА ИЗ КРИТИЧЕСКИХ ПОЛЕМИК Н.К. МИХАЙЛОВСКОГО

Н. К. Михайловский известен как яркий полемист. Воспринимая себя законным наследником и главой того направления, который воплощал в себе ведущий журнал демократического направления 1860–1880-х гг. «Отечественные записки», Михайловский считал своим долгом постоянно отстаивать интересы этого наследства и этого направления. Это заставляло его быть крайне непримиримым, резким и даже жестоким по отношению к своим литературным и идеологическим противникам. Данная стратегия очень ярко воплотилась в полемике Михайловского с А. Л. Вольнским, который казался в начале 1890-х гг. (до появления легальных русских марксистов) наиболее серьёзным соперником демократизма классической народнической поры. Характерным приёмом литературной полемики Михайловского было постоянное использование какого-либо неудачного выражения противника в качестве его опознавательного знака, второго имени. Это постоянное обращение к одному и тому же выражению сам Михайловский называл критикой «весёлыми ногами», используя образ из православного богослужебного (пасхального) текста. В такой полемике Михайловский подчас не рассчитывал силу удара и рикошетом попадал в своих союзников, что приводило впоследствии к разрыву отношений, как это произошло с В. В. Лесевичем.

Ключевые слова: литературная критика, полемика, Н. К. Михайловский, А. Л. Вольнский, В. В. Лесевич.

M. V. Stroganov

*Institute of World Literature. A. M. Gorky RAS
A. N. Kosygin Russian State University (Technology. Design. Art)*

“MERRY FEET”. TWO EPISODES FROM THE CRITICAL POLEMICS OF N.K. MIKHAILOVSKY

N. K. Mikhailovsky is known as a brilliant polemicist. He perceived himself as the legitimate heir and the head of the direction that embodied the leading journal of the democratic direction of the 1860s-1880s. “Otechestvennye zapiski”, Mikhailovsky considered it his duty to constantly defend the interests of this heritage and this direction. This forced him to be extremely implacable, harsh and even cruel towards his literary and ideological opponents. This strategy was very vividly embodied in the polemic between Mikhailovsky and A. L. Volynsky, who

¹ Михаил Викторович Строганов, доктор филологических наук, профессор Российского государственного университета им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН

seemed in the early 1890s. (before the appearance of legal Russian Marxists) the most serious rival of democracy of the classical populist era. A characteristic technique of Mikhailovsky's literary polemic was the constant use of some unfortunate expression of the enemy as his identification mark, his second name. Mi-khaylovsky himself called this constant reference to the same expression "jolly feet" criticism, using an image from an Orthodox liturgical (Easter) text. In such polemics, at times, Mikhailovsky did not calculate the force of the blow and ricocheted into his allies, which subsequently led to a break in relations, as happened with V. V. Lesevich.

Keywords: literary criticism, polemics, N. K. Mikhailovsky, A. L. Volynsky, V. V. Lesevich.

Во второй половине XIX – начале XX в. литературная критика организовывала всю литературную жизнь. Роль собственно писателя была, несомненно, очень велика, но руководил литературной жизнью именно критик, который сам себя осознавал как писателя, и читатели воспринимали его именно в этом качестве. Критик был центральной фигурой литературного процесса. Автор художественных произведений появлялся в печати время от времени, адекватно понять образный строй его сочинений было иногда достаточно сложно. Критик же появлялся в журнале практически ежемесячно, и цель его состояла в том, чтобы объяснять и растолковывать художественные произведения применительно к сегодняшнему дню. Критик в этой ситуации становился властителем дум и медийной фигурой. Автор художественных произведений учит «высокому»: общечеловеческим ценностям, собственно красоте, далеко идущим идеалам. Когда писатель хотел вмешаться в жизнь, проручководить процессом и направить читателя в нужном направлении, ему становилось тесно в рамках собственно художественных форм, и он сам брался за критику или писал манифесты.

Зная эту огромную роль литературного критика, мы тем не менее ограничиваемся при изучении литературной критики описанием идеологической позиции критика, иногда – добавляем характеристику приемов построения критических текстов (жанр, композиция и т. д.). Однако для того, чтобы адекватно понять литературный и особенно журнальный быт, как следствие, – расстановку литературных группировок, необходимо хорошо понимать характеры его деятелей. Изучение писателя или критика как человека – неперемнное условие построения историко-литературного процесса. В нашем конкретном случае эта общая позиция означает следующее. Для того чтобы адекватно понять литературную позицию журнала «Русское богатство» 1890-х гг., необходимо хорошо понимать характеры его редакторского коллектива и в первую очередь характер его лидера Н. К. Михайловского.

1

После закрытия «Отечественных записок» (1884) и до приобретения группой бывших народников «Русского богатства» (1892) Михайловский печатал свои статьи в самых разных изданиях демократического направления. Печатал он много: как потому, что в принципе много писал, так и в интересах заработка. В частности, в «Русских ведомостях» Михайловский вёл в 1888–1892 гг. постоянные отделы «Случайные заметки» и затем «Письма о разных разностях», которые впоследствии включил в 6-й том своих «Сочинений» (СПб.: Изд. журнала «Русское богатство», 1897). Но одну свою статью напечатал он и в либерально-народнического направления «Газете А. Гатчука».

Но Михайловский напечатал здесь, повторим, только одну (в двух номерах) статью «Литературные признаки времени». Название этой статьи напоминало читателю известный цикл М. Е. Салтыкова «Признаки времени» (1863–1871) и отражало, таким образом, претензии Михайловского на руководящую роль в литературной жизни его времени. Но, помимо этого, в данном названии был четко сформулирован главный принцип критического метода Михайловского – рассматривать литературу как социальное и общественное явление².

В первой части статьи Михайловский писал, что толстые журналы утратили «единство и определённое направления» старых изданий, в том числе даже тех, которыми руководил М. Н. Катков [Михайловский, 1890, № 1, с. 15]. А в конце второй части он вновь возвращается к судьбе толстого журнала: «Не трудно представить ближайшее будущее. Некоторые из теперешних журналов, надо думать, совсем прекратятся, отошав на борьбу с равнодушием читателей; явятся и утвердятся, может быть, новые ежемесячники, специальные, как утвердились уже специальные исторические журналы, которые не суть журналы в смысле руководящих органов. Уцелевшие литературно-политические ежемесячники окончательно превратятся в сборники, а журнал старого типа будет стёрт с лица земли газетой, с одной стороны, и книгой – с другой, которые и возьмут на себя его былую руководящую роль. Мне жаль старика: смерть его мне кажется преждевременною. Но если уже так суждено и конец неизбежен, то пусть он наступает скорее, пусть прекратится его агония, которая так похожа на разврат; пусть газета и книга скорее делят наследство. Прощай, журнал! прощай, старик! Вечная тебе память!.. На твою преждевременную могилу – я всё-таки думаю, что она преждевременна, – не раз придут историки русской литературы, и, если они будут любить литературу, то, я уверен, в общем помянут тебя добром, а, может быть, даже и слезу прольют. Признаюсь откровенно: мне эта слеза и сейчас щекотит горло...» [Михайловский, 1890, № 2, с. 17].

Михайловский прав и не прав: толстый журнал переживал период радикальных перемен. «Руководящим органом» он на самом деле переставал быть, но причина была не в том, что он разучился выражать «единство и определённое направления», а в том, что эти функции начинали брать на себя другие формы общественной жизни: в 1890-е гг. стали появляться общественные организации, а в 1900-е гг. и партийные объединения. Чистота направления «Русского богатства», которую так отстаивал сам Михайловский, а после его смерти В. Г. Короленко и Н. Ф. Анненский, а с 1912 г. А. В. Пешехонов и В. А. Мякотин, свелась в итоге к партийной узости. Но это станет ясно значительно позднее.

В статье 1890 г. в качестве примера современного состояния современного журнального дела Михайловский сопоставил два одновременных явления в истории журнала «Северный вестник», где он сам долгое время был ведущим критиком и откуда ушёл в апреле 1888 г. с появлением и усилением там А. Л. Вольнского (Флексера).

² На этом фоне название более поздней постоянной рубрики «Литература и жизнь», которую Михайловский вёл в «Русском богатстве», представляется гораздо менее удачным.

Первое явление. В февральском номере «Северного вестника» за 1886 г. В. В. Лесевич в статье «О чем поёт кукушка?» назвал философию А. А. Козлова, который начал издавать моножурнал «Своё слово», «тёмной и неясной». Лесевич был близок к Михайловскому ещё с 1869 г. как сотрудник «Отечественных записок» и член «Общества трезвых философов» и «Ольхина клуба». В 1879 г. за связь с народническими организациями он был сослан в Сибирь, с 1881 г. жил в Европейской России, печатался в «Северном вестнике» и «Русской мысли». В бесцензурной печати он писал, что насильственное уничтожение представителей царской власти «имеет свое полное оправдание и обусловлено полной необходимостью» [Украинец, 1883, с. 111]. После ссылки сотрудничал в «Русском богатстве», был пайщиком журнала, в 1892–1898 гг. членом его литературно-хозяйственного комитета, но к 1903 г. отошёл от журнала. В 1901 г. Лесевич подписал протест против расправы властей над демонстрацией студентов на Казанской площади в Петербурге, за что был выслан в Полтаву.

Второе явление. В 1889 г. в «Северном вестнике» всё больше входивший в моду Волынский опубликовал рецензию на «философско-литературный сборник» «Своё слово», который неперiodично издавал в 1888–1898 гг. А. А. Козлов. В этом сборнике Козлов достаточно ядовито отвечал Лесевичу [Козлов, 2017], однако на защиту его встал и Волынский, который в рецензии на очередной выпуск «Своего слова» в «Северном вестнике» за октябрь 1889 г. обвинил критиков Козлова в «клеветнической распушенности», хотя имя Лесевича не упоминал.

Между статьёй Лесевича и рецензией Волынского прошло три года, и вряд ли кто связывал их. Но Михайловский связал: «Давая отчёт о „Своём слове“ г. Козлова, почтенный журнал поставил киевскому философу в особенную заслугу то обстоятельство, что он „не искал убежища в так называемых толстых журналах и столичных газетах, в которых до сих пор ещё господствует какая-то не то ноздрёвская, не то хлестаковская разнузданность!“ Уже эти презрительные слова производят довольно странное впечатление, когда их читаем в „Северном вестнике“, который ведь тоже „так называемый толстый журнал“. Но этого мало. Уличая затем журнальных противников г. Козлова в „глупой шутке“, „конском ржании“ и тому подобных прелестях, „Северный вестник“ забывает напомнить своим читателям, что единственная *журнальная* статья, направленная прямо против философии г. Козлова, была напечатана именно в „Северном вестнике“ (статья г. Лесевича „О чем поёт кукушка“, 1886 г.). Как ни мало идут к хорошо известной литературной физиономии г. Лесевича такие вещи, как хлестаковская или ноздрёвская разнузданность, глупая шутка, конское ржание и т. п., но из слов самого „Северного вестника“ вытекает, что, по его собственному, „Северного вестника“, мнению, кони ржут и Хлестаковы разнуздываются на собственных, „Северного вестника“, страницах. Я спрашиваю: каково положение читателей „Северного вестника“, интересующихся философскими вопросами вообще и философией г. Козлова в частности? Чему они должны верить? Куда идти» [Михайловский, 1890, № 1, с. 16]. Из этого Михайловский и делает вывод, что в «Северном вестнике» отсутствует «единство и определённость направления».

Михайловский в целом был прав. Но в данном случае ему больше всего хотелось зацепить нелюбимого Вольнского, и рикошетом он ударил близкого, если не единомышленного Лесевича, который 19 января 1890 г. написал Михайловскому письмо. Непосредственным поводом для письма было также и то, что Михайловский неодобрительно упомянул в своей статье журнал «Вопросы философии и психологии», который Н. Я. Грот начал издавать в 1889 г.: «...философский журнал г. Грота прямо заявляет, что никакого определённого направления они держаться не намерены. Прежде это звучало бы оскорблением, теперь это почти реклама» [Михайловский, 1890, № 1, с. 16]. Между тем в первом номере «Вопросов философии и психологии» Лесевич опубликовал статью «Религиозная свобода по эдиктам царя Асоки Великого» [Лесевич, 1889]. Получалось, что и у него нет «единства и определённости направления».

Другой пример современных литературных нравов – статья В. В. Чуйко (в прошлом сотрудника «Отечественных записок») о М. Е. Салтыкове. Покойный сатирик, писал Чуйко, не имел «никакого положительного идеала», а только «природное, непосредственное чувство добра, красоты, правды, гуманности» [Чуйко, 1889; об этой статье см.: Книгин, 1991]. Михайловский назвал эти слова «образчиком нынешних распущенных и распутных литературных нравов»: «почтительные выражения» «тонут в море клеветы», что и свидетельствует об отсутствии «направления» [Михайловский, 1890, № 2, с. 17]. Эту оценку статьи Чуйко в известной мере спровоцировал Е. П. Карпов, который 28 июля 1889 г. писал Михайловскому: «К бесчисленному количеству гнусностей, написанных о Щедрина, г. Чуйко в “Наблюдателе” прибавил грандиознейшую смесь, составленную из пошлости, подлости и чистейшего идиотства. Это поистине предел, его же не преи́дешь. Достаньте, пожалуйста, июньский номер “Наблюд<ателя>” и прочтите. Хорошо, если бы Вы в “Случайных заметках” сказали о этой маленькой статейке несколько прочувственных слов. Там что ни слово, то курьёз» [Литературное наследство, 1934, с. 225].

Мы не знаем, какотреагировал Чуйко на статью Михайловского, но Лесевич, который поддерживал с Михайловским дружеские отношения, писал, что в журнале «Вопросы философии и психологии» «общее знамя» отсутствует в соответствии с объявленной программой, но его собственная позиция «способствует ориентировке читателя». А завершал он своё письмо следующими словами: «Я пишу Вам не для того, чтобы возбудить потом полемику и радовать Бурениных нашими распрями. Я хочу только обратить Ваше внимание на сделанную Вами по отношению ко мне несправедливость и просить Вас исправить её»³.

Позднее Е. А. Ганейзер, близко знавший Михайловского и Лесевича, свидетельствовал: «Вл. В-ч <Лесевич> был убеждён в недоброжелательном к нему отношении Михайловского. Но это была ошибка. Михайловский всегда относился к Вл. В-чу с великим уважением и очень ценил его как сотрудника и товарища. Он говорил мне это не раз, и нет решительно никаких оснований сомневаться в его искренности» [Ганейзер, 1914, с. 66].

³ РО ПД. Ф. 181. Оп. 1. Ед. хр. 386. Л. 62–63.

И в этом на самом деле нет никаких сомнений, о чем свидетельствует письмо Михайловского к Лесевичу от 20 января 1890 г.:

«...Вы совершенно правы: я написал именно то, что желал написать. Не правы Вы, однако, тем, что приписываете мне желания, которых я не имел.

Предполагая во мне странное желание сказать Вам лично в печати какую-то неприятность, Вы одариваете меня „Русскими вед<омостями>“ и „Газетой Гатцука“. Вы спрашиваете: почему я не упоминаю об этих газетах, в которых сам печатаюсь? Потому же, почему не упоминаю об „Новом времени“, „Новостях“, „Неделе“ и проч., в которых не печатаюсь. Потому что желал писать исключительно о толстых журналах, об этом руководящем значении, которое они имели прежде, а теперь утрачивают. Приплета сюда „Русск<ие> вед<омости>“ и „Газету Гатцука“, я бы написал не то, что желал написать. Если, таким образом, Ваше вопросительное замечание не вполне уместно, то, с другой стороны, Вы только отчасти достигли своей цели, одарив меня „Русскими вед<омостями>“ и „Газетой Гатцука“ за ту неприятность, которую я, по Вашему непонятному для меня предположению, хотел нанести Вам. Дольше, чем кто-нибудь из журналистов, видевших лучшие времена, сторонился я от сотрудничества в не совсем подходящих для меня изданиях. Но так как работа составляет единственный источник моего пропитания, да и молчать не весело, то наступил, наконец, и мой черёд. По себе зная, что значат тиски необходимости, я был бы, конечно, очень нелеп, если бы вздумал корить других за то, что делаю сам. Есть, конечно, известные пределы, но полагаю, что, сотрудничая в „Р<усских> в<едомостях>“, я их не переступил. Не полагаю и Вас переступившим. Недоумеваю однако, почему Вы об этом заговорили. В статье моей речь идет опять-таки исключительно о редакциях журналов и их программах (во второй, ещё не напечатанной половине говорится лично о Чуйко, но и то в виде иллюстрации редакционных порядков). Причём Вы тут? Да, я писал и повторяю: надо быть жестоким и неверующим человеком, чтобы затеять журнал, какой затеял Грот. Если Вы затеете такой же, я Вас назову жестоким и неверующим. Но ведь не Вы его затеяли. Вы отдали туда статью, по небрежности ли или вследствие желания высказаться. Может быть, мне и случится написать когда-нибудь статью о положении писателей, вынужденных печататься в неприятных для них местах, но в инкриминированной статье я этого вопроса не касаюсь, и, приплета его сюда, я опять-таки писал бы не об том, что желал писать. Наконец, в Ваших инкриминациях по поводу „Сев<ерного> вестника“ я уже ровно ничего не понимаю. „Дело, начатое г. Флексером“, я считаю глупым и скверным делом. Так как заметка Флексера не подписана, то я счел себя вправе отнести это глупое и скверное дело целиком на счёт редакции, которая, напечатав Вашу статью, позволила себе её обругать. Не о позитивизме и метафизике желал я писать, а о журнальных нравах. Позвольте же мне наконец интересоваться тем, чем я интересуюсь, и писать об том, об чём я хочу писать. Мне было решительно всё равно, какую статью обругал Флексер, мне было важно указать, что эта обруганная статья напечатана в том же „Сев<ерном> вестнике“. На Вас это ни малейшей тени не бросает – ведь не Вы редактируете „Сев<ерный> вестник“, – и я решительно не вижу, почему я не должен был помянуть Ваше имя, всеми буквами написанное (по крайней мере в Вашем сборнике). <Михайловский говорит о книге, в которую вошла статья об А. А. Козлове: [Лесевич, 1886, с. 355–363]>.

По всем этим причинам я не только не могу исполнить Ваше желание – что-то исправить или изменить, но даже остаюсь в полном недоумении – какие исправления или изменения могут быть в статье сделаны. Что же касается Вашего намерения уйти из „Газеты Гатцука“, то я был бы, конечно, очень этим огорчён, если бы редактировал „Газету“ или принимал в ней близкое участие. Но моё сотрудничество чисто случайное и, по всей вероятности, так и кончится статьёй, вызвавшей Ваше удивительное для меня письмо.

Искренно уважающий Вас

Ник. Михайловский

Мои пятницы перенесены на субботы. Сегодня суббота. Может зайти разговор о „Газете Гатцука“ как об новинке. Если бы Вы пожаловали, я охотно представил бы Вам направить разговор в какую угодно сторону. Но на случай Вашего отсутствия прошу Вас уведомить, подлежит ли Ваше письмо огласке. Я разумею, конечно, не публичное и формальное обсуждение, а сообщение – если придётся к слову, – что вот какое странное недоразумение вызвала моя статья»⁴.

В ответ на это письмо Михайловского Лесевич писал ему в тот же день, 20 января 1890 г.: «Я думал и думаю, что “толстыми журналами” называются у нас только литературно-политические издания, а не специальные», которые имеют «пестрый список сотрудников». И вновь упрекал Михайловского: «та неприятность, которую я обязан г. Флексеру», имевшая до сих пор анонимный характер, в статье Михайловского «стала теперь открытою, и всякий получил возможность трепать её по произволу»⁵.

И Михайловский вновь писал Лесевичу 21 января 1890 г.:
«Владимир Викторович.

Я писал о толстых журналах, об утрате ими того влияния, которое они имели. Может быть, я неправильно зачислил сюда журнал Грота (я этого не думаю). Может быть, я выбрал слишком узкую задачу. Может быть, ещё многие и многие недостатки есть в статье. Но это дело критик, а не частной переписки с характером разъяснения личных обид. Поэтому из всего Вашего второго письма позволю себе остановиться на одном пункте. Вы полагаете, что „повторение и комментирование оскорблений“ г. Флексера есть нечто обидное. Прошу извинения и, так как это дело уже непоправимое, то могу только на будущее время обещать Вам, что ничего подобного более не случится. Но если Вам когда-нибудь придется повторить и комментировать в подобном смысле оскорбления, обращенные ко мне, ну хоть Слонимским, если Вы прибавите, что эти оскорбления не идут к моей „хорошо известной литературной физиономии“, то я не обижусь.

Искренно уважающий Вас

Ник. Михайловский

Во избежание недоразумений: вчера, в субботу, не было никакого разговора о „Газете Гатцука“, но я рассказал прецедент Карееву, который был у меня утром»⁶.

Михайловский упоминает Л. З. Слонимского, который в статьях «О теориях прогресса» и «Мнимая социология» (Вестник Европы, 1889, № 3, 5) писал, что социально ориентированный экономический идеал Михайловского несовместим с его «борьбой за индивидуальность», за свободное развитие личности. Михайловский предлагал свой ответ Слонимскому «Русским ведомостям»⁷, но появился он в «Русской мысли»

⁴ РО ПД. Ф. 181. Оп. 3. Ед. хр. 7. Л. 1–2. Помета В. В. Лесевича: «NB». Автографы этого и следующего письма могли оказаться в архиве Михайловского после его смерти, когда редакция «Русского богатства» объявила в 1904 г. о сборе его писем. Датируется по фразе: «Сегодня суббота».

⁵ РО ПД. Ф. 181. Оп. 1. Ед. хр. 386. Л. 64–66.

⁶ РО ПД. Ф. 181. Оп. 3. Ед. хр. 7. Л. 3. Помета Лесевича: «NB». Датируется по соотношению с предыдущим письмом Михайловского Лесевичу и фразе: «вчера, в субботу».

⁷ См. письмо В. М. Соболевскому: РГАЛИ. Ф. 452. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 35.

[Михайловский, 1889. № 3; Михайловский, 1889, № 5; Михайловский, 1889, № 6]. Об этой полемике Короленко писал А. А. Дробыш-Дробышевскому в мае 1889 г.: «Вы знаете мои симпатии в данном случае: я люблю Мих<айловского> и лично, и за то, что я получил от него в своё время как от писателя. <...> Человек писал об известном предмете 20 лет, волновал сердца, шевелил умы с признанным даже противниками знанием и талантом. И вот приходит компилятор Слонимский, умеренный и аккуратный, пишущий почти 20 лет и не смевший почему-то поднять голоса в то время, когда Михайловский был в расцвете и писал всё это на глазах у г. Слонимского. Приходит в то время, когда Михайловский от разных обстоятельств угнетён и кажется ослабевшим. И очевидно не потрудившись даже прочесть всего, что тот писал, не потрудившись выставить сколько-нибудь серьёзного аргумента против главных его положений, – объявляет (именно только “объявляет”), что всё это – одно недоразумение. Что оставалось Михайловскому? Он отражает мелкие нападки, указывает всю легковесность отдельных возражений, – а относительно главного говорит: я писал об этом 20 лет; неужели мне начать повторять всё сначала только потому, что Слонимскому угодно голословно признать это всё недоразумением? <...> Правда, в части пубрики ответ Михайловского произвёл впечатление некоторой неудовлетворённости: ждали ответа по существу. Но я положительно заметил, что это в той части, которая не знакома со всем, что Михайловский писал. Для этой-то части пубрики и желателен ответ „по существу“. Но кто же, как не критика, должна бы разъяснить, что в сущности Мих<айловский> в праве был Слонимскому не отвечать на его категорическое заявление одного лишь своего несогласия» [Короленко, 1923, с. 91–92].

Отметим, наконец, что Михайловский не случайно пишет Лесевичу о том, что он «рассказал прецедент» историку и социологу Н. И. Карееву, чья докторская диссертация «Основные вопросы философии истории» (М., 1883) получила в своё время одобрительную оценку Михайловского (Отечественные записки, 1883, № 12). В своих воспоминаниях Кареев поставил имена Михайловского и Лесевича рядом, и в данном случае это весьма знаменательное соседство: «Я штудировал не только антропологические труды Дарвина и Вайнца, равно как книгу Тэйлора и Леббока, но и работы П. Л. Лаврова <...>, Н. К. Михайловского, В. В. Лесевича и С. Н. Южакова, приучившие меня относиться критически к модным иностранным теориям» [Кареев, 1990, с. 131–132].

Инцидент между Михайловским и Лесевичем был исчерпан. Однако Лесевич, видимо, так и считал Михайловского неделикатным человеком, хотя в «Русском богатстве» принимал не только авторское, но и финансовое участие. А разовое сотрудничество в «Газете Гатцука» имело для Михайловского длительный отголосок. В том же году в «Газете А. Гатцука» был напечатан положительный отзыв А. Г. (Гатцука) на книгу Михайловского о Салтыкове-Щедрине [А. Г., 1890, № 4, с. 74]. А в апреле появился неподписанный, но написанный также Гатцуком «критический опыт» «Н. К. Михайловский», с портретом, где отмечалось, что своим так называемым, «субъективным», «телеологическим» методом Михайловский предохранил целое поколение от ошибок [Б. п., 1890, № 14].

2

О резкости, которая была свойственна Михайловскому как критику, свидетельствуют воспоминания Э. К. Пименовой, состоявшей с ним в весьма близких отношениях:

«Я рассмеялась, вспомнив, как он однажды сказал мне, что рецензии должны быть написаны “веселыми ногами”.

– Что это значит? – спросила я.

– Легко, остроумно, язвительно, – отвечал он.

– Но вы, в своих полемических статьях бываете порой слишком язвительны и даже, пожалуй, выходите за пределы допуссаемого вами самими.

Я добавила это довольно нерешительным тоном, я боялась его рассердить, но он добродушно ответил:

– Я это сам сознаю... иногда» [Пименова, 1929, с. 173].

Э. К. Пименова не была религиозным человеком и не часто посещала церковную службу, иначе бы она помнила, что, начиная с Пасхи до Воскресения Господня в церкви поется Пасхальный канон Иоанна Дамаскина, в 5 песне которого есть такой тропарь: «Безмерное Твое благоутробие, адовыми узами содержимии зряще, к свету идяжу, Христе, веселыми ногами, Пасху хваляще вечную...»

Впрочем, эти слова давно стали поговоркой, и часто повторялись в светской литературе, хотя всё время – либо применительно к лицам духовного звания, либо к мирянам в какой-то связи с церковной жизнью. Например, И. А. Гончаров в романе «Обрыв» (1869):

«Он водрузил обещанную свечу перед иконой за ранней обедней. Но у него оказался излишек от взятой дома суммы... Он вышел из церкви и прошел в слободу, где оставил и излишек, и пришёл домой „весёлыми ногами“, с лёгким румянцем на щеках и на носу» [Гончаров, 2004, с. 693].

Или в повести Н. С. Лескова «Некрещённый поп. Невероятное событие (Легендарный случай)» (1877):

«В одном селе священник выдавал замуж дочь. Разумеется, пир был на славу, все подпили порядком и веселились по-сельскому, по-домашнему. Между прочим, местный диакон оказался любителем хореографического искусства и, празднуя веселье, „весёлыми ногами“ в одушевлении отхвтал перед гостями трепака, чем всех привёл в немалый восторг» [Лесков, 1958, т. 6, с. 159–160].

В святочном рассказе того же Лескова «Маленькая ошибка. Секрет одной московской фамилии» (1883) говорится: «Оставили старики эту просительную записочку и пошли домой весёлыми ногами» [Лесков, 1958, т. 7, с. 254].

Михайловский тоже не был церковным человеком, но современную ему русскую литературу он, конечно, знал превосходно. Однако использовал он оборот «весёлыми ногами» не в церковно-каноническом смысле («радостно, с желанием») и не в привычном мирском («под хмельком»), а сугубо индивидуально: «легко, остроумно, язвительно».

3

Иногда эти остроумие и язвительность оставались только на бумаге, в литературной игре. Но подчас они переплескивались в быт и создавали конфликтные ситуации. Это была уже не игра, а нешуточная жестокость.

Именно так мы расценили бы историю, которая произошла между Михайловским и Акимом Львовичем Волинским (Флексером). Волинский начал печататься в «Северном вестнике» под редакцией А. М. Евреиновой по протекции А. А. Давыдовой с 1889 г., а с марта 1890 г. он вёл постоянный раздел «Литературные заметки». В период редакторства Л. Я. Гуревич он стал фактическим соредактором, основным критиком и идеологом журнала. Михайловский в 1885–1888 гг. входил в редакцию «Северного вестника», но порвал с ним из-за постоянных конфликтов с А. М. Евреиновой. В 1890 г. он хотел приобрести этот журнал, о чём свидетельствует письмо баронессы В. И. Икскуль к Михайловскому (весна 1890 г.): «Ничего я не слышала про продажу “Северного вестника”, дорогой Николай Константинович, и даже очень удивлена этой новостью, так как Григорий Алек. Евреинов три дня тому назад спрашивал у меня, что мы решили. – Очень хочется узнать подробности – не зайдёте ли в субботу или в воскресенье между часом и 2-мя? Вообще – желаю с вами повидаться»⁸. «Северный вестник» выходил без предварительной цензуры (как и закрытые в 1884 г. «Отечественные записки»), т. е. был освобожден от изнурительного повседневного общения с цензурой, через которую требовалось проводить каждую статью. При стойкой неприязни – идеологической и личной – между Михайловским и Волинским их совместное участие в одном журнале заведомо исключалось. Именно в этот период произошел инцидент, о котором рассказывает Э. К. Пименова:

«Вообще Николай Константинович с трудом выносил его, считая лжецом и лицемером. Молодёжь, возмущавшаяся полемическими статьями Волинского, поддерживала враждебное отношение к нему Николаю Константиновичу. Дело дошло до того, что однажды Николай Константинович, придя на один из журфиксов к Александре Аркадьевне <Давыдовой> и здороваясь со всеми, не подал руки Волинскому.

Я как раз была очень занята в этот день и не была на журфиксе “Мира Божьего”, поэтому и не знала, что там произошло, но на другое утро получила записку от Александры Аркадьевны, которая просила меня зайти к ней по спешному делу перед моим уходом на работу в редакцию газеты.

Я застала её в сильнейшем волнении.

– Можете вы мне объяснить, что это такое? Чем был вызван такой поступок Николаю Константиновичу? – говорила она очень возбужденная, рассказав мне, как было дело. – Бедный Флексер готов был провалиться сквозь землю.

– Ну, он не из таких, которые проваливаются, – заметила я, невольно улыбнувшись <...>.

– Он в отчаянии, говорил, что остается только утопиться, после такого оскорбления! – продолжала волноваться Александра Аркадьевна. – Понимаете, литератор, которому Михайловский не подал руки, ведь он заклеямен теперь!»

Пименова отправилась к Михайловскому. Тот был зол, в первую очередь, сам на себя, потому что понимал, что поставил в неловкое положение Давыдову, и передал через Пименову: «Пусть он придёт, я готов объясниться».

⁸ РО ПД. Ф. 181. Оп. 1. Ед. хр. 276. Л. 31. Григорий Александрович Евреинов (1839–1914), сенатор, публицист; двоюродный брат А. М. Евреиновой.

Пименова ошибается; конфликт относится не к тому времени, когда Давыдова издавала «Мир Божий», а к более раннему времени, когда она участвовала в издании «Северного вестника». Такая датировка конфликта подтверждается письмом Михайловского к Вольтскому от начала 1890 г.:

«Милостивый государь Аким Львович,

А. А. Давыдова и затем С. Н. Кривенко говорили мне с Ваших слов, что Вас где-то очень бранят „именем Михайловского“ и что Вас это огорчает. Огорчением Вашим заинтересовались оба упомянутые, глубоко уважаемые мною человека, и я пришел к заключению о необходимости написать Вам нижеследующее.

Я не вполне понимаю, что значит отзываться о ком-нибудь именем третьего лица. Во всяком случае, я никого не уполномочивал отзываться так или иначе об Вас моим именем и потому не могу принять на себя ответственность за огорчившие Вас отзывы; тем более что А. А. Давыдова и С. Н. Кривенко не могли, не умели или не хотели сказать мне, в чём эти отзывы состояли. Но что касается меня лично, то я всегда готов дать Вам всяческое разъяснение. Если Вам угодно его получить, то благоволите пожаловать ко мне в любой день утром между 11 и 12 часами или между 3 и 4. Я не знаю, что проистечёт из нашего разговора, но по крайней мере выяснится та доля Ваших огорчений, за которую ответственен я. Думаю, что это будет для Вас бесполезно, но вполне понимаю также, что Вы можете не находить тут ничего для себя занимательного, и тогда просто не придете.

Ник. Михайловский»⁹.

Пименова пишет, что сообщила результаты переговоров Давыдовой устно, хотя при наличии такого письма это не требовалось. Давыдова, уточнив на всякий случай: «Эмилия Кирилловна, вы ручаетесь, что Николай Константинович не спустит его с лестницы?» – отправила Флексера объясняться. Вот продолжение рассказа Пименовой:

«На другой день Николай Константинович, придя ко мне вечером, рассказал, что Флексер был у него и сильно волновался, то бледнел, то краснел и вытирал пот с лица. Он как бы раскрывал свою душу, исповедовался перед Николаем Константиновичем, рассказал ему всю свою жизнь и даже сообщил такую подробность, что он хотел быть девственником, потому что стремится к идеализму и мечтал посвятить свою жизнь борьбе за идеализм и исканию новой красоты.

– Я не могу сказать, чтобы он говорил плохо, но очень напыщенно, и в сущности всё, что он говорил, никакого отношения не имело к инциденту, из-за которого произошло наше свидание, – сказал Николай Константинович. – Всё-таки он был жалок, и чтобы покончить с этими тяжёлыми минутами, я протянул ему руку. Тогда произошло нечто неожиданное для меня: он достал из своего портфеля большую книгу, перевод Спинозы Л. Гуревич, изданный под его редакцией, и подал её мне. На книге была уже заранее сделана им весьма почтительная надпись, адресованная мне. Очевидно, он приготовил её заранее, на случай благоприятного исхода нашего свидания.

Так кончился этот неприятный инцидент» [Пименова, 1929, с. 167–168, 170, 171].

Для характеристики отношений Вольтского и Михайловского весьма показательны мнения Д. С. Мережковского и А. Г. Горнфельда, людей из разных литературных лагерей. Вот слова Мережковского (сказанные ещё до кратковременного романа Вольтского с З. Н. Гиппиус в 1896 г. и потому не ангажированные): «Едва ли не самый низменный и уродливый из человеческих пороков – неблагодарность.

⁹ РГАЛИ. Ф. 95. Оп. 1. Ед. хр. 647. Л. 4–4 об.

К сожалению, надо сознаться, что этот порок свойственен русским современным публицистам. Увы! Мы имели ещё недавно случай наблюдать классический образец неблагодарности в отношении одного молодого и смелого рецензента (имени его я не буду называть) к Н. К. Михайловскому. Когда переступается известный предел полемической злобы, люди всех партий, всех направлений соединяются в чувство нравственного возмущения, видя, как молодой человек, случайный пришелец, поднимает руку на человека, постаревшего в литературе» [Мережковский, 1893, с. 73]. Вот мнение Горнфельда: «Отношение мое к его направлению, к этой борьбе с шестидесятью годами, которую вёл здесь фактический редактор журнала, было двойственное. <...> Волинский во многом был хоть и не оригинален, однако, прав. Но он вёл так бестактно, он с такой грубостью нападал на людей, к деятельности которых я относился с глубоким уважением, – таковы были не только Белинский, но Салтыков и Михайловский, – что самая правда его казалась неприятной. Он был свой, он был боец своего лагеря, однако компрометирующий “святое дело”» [Горнфельд, 1928, с. 35].

Итак, Михайловский не смог приобрести «Северный вестник», и с мая 1890 г. он перешел в руки пайщиков, а официальным издателем стал Б. Б. Глинский, позднее редактор-издатель «Исторического вестника» (1913–1917) и «Русской будущности» (1915–1917). Ему адресовано письмо Л. Я. Гуревич в марте 1891 г.:

«Многоуважаемый Борис Борисович,

Аким Львович Ф<лексер> рассказал мне вчера о новой тактике г. Михайловского, который, по-вид<имому>, не может помириться с мыслью о том, что новые свежие веяния выдвигают новых деятелей и что старые авторитеты рискуют оказаться заслонёнными в глазах молодого поколения. Признаюсь, новые вылазки г. Михайловского против Флексера просто изумляют меня своей наглостью: ибо как назвать иначе клевету, которая мож<ет> б<ыть> избличена беспристрастными свидетелями и кот<орая> изображает молодого писателя похваляющимся небывалым союзом с такой персоной, как г. Михайловский? Я надеюсь, что люди, лично знающие А. Л. Ф<лексера>, не нуждаются ни в каких свидетельских показаниях для того, чтобы понять надлежащим образом, какую роль играет он во всей этой истории. Зная его отвращение ко всякой лжи и интригам, я, признаться, могу только удивляться его долготерпению по отношению <к> г. Михайловскому. Он имеет полную возможность открыто избличить М<ихайловского> и т<аким> обр<азом> пресечь всякий источник глупых двусмысленных пересудов на свой счёт. Я могла бы в этом деле быть одним из свидетелей, п<отому> ч<то> очень часто бывала в доме А. А. Д<авыдовой>, и все стадии отношений Ф<лексера> и М<ихайловского> развёртывались на моих глазах. Помню как нельзя лучше и всю историю из-за покупки „Сев<ерного> в<естника>“. Разговоры между Д<авыдовой> и Ф<лексером> по поводу совместного участия Ф<лексера> и М<ихайловского> в будущем „Сев<ерном> вест<нике>“ происходили в моём присутствии. Сама Д<авыдова> рассказ<ывала> мне самым детальным образом весь проект, по кот<орому> Ф<лексер> долж<ен> б<ыл> б<ыть> назначен секретарём и жить при редакции. Затем помню – со слов Д<авыдовой> – о том переполохе, кот<орый> произвела в кружке старых либералов статья Ф<лексера> о Козлове. С этих пор г. Мих<айловский> и К° стали, по-видимому, опасаться Ф<лексера> как литературного соперника, кот<орый> мож<ет>, пожалуй, пойти дальше их в искании правды и доискиваться тех корней её, которые не привлекали внимания мыслящих людей прежних поколений нашего общества. Я не умею понять иначе тех опасений за слишком „метафизическое направление“ Ф<лексера>, кот<орые> высказывались в моём присутствии и кот<орые> всегда казались мне весьма смешными и жалкими. Однако и после

„истории с Мих<айловским>“ переговоры о покупке „С<еверного> в<естника>“ не порвались, Ф<лексер>, по-вид<имому>, был нужным ч<е>л<ове>ком для Мих<айловского> и его партии, п<отому> ч<то> на него же хотели возложить поручение привлечь к делу одного денежного человека в Харькове (помню все детали этого дела и все фамилии). Для этой цели Ф<лексер> долж<ен> был ехать в декабре в Х<арьков>, где заодно мог похлопотать и о деле Успенского. Но Ф<лексер> отказался от этого, не желая портить подписки „С<еверного> в<естника>“ разговорами о переходе его в новые руки. В феврале, – после оконч<ательного> разрыва Ф<лексера> с М<ихайловским>, я слышала от Д<авыдовой>, что М<ихайловский> не мож<ет> простить Ф<лексеру> того, что он отказался ехать в Х<арьков> по делу о покупке „С<еверного> в<естника>“. [Вот то, что я знаю об отношении]»¹⁰.

Сразу надо заметить, что после опыта совместной работы с Волинским Глинский назвал его «злым, завистливым и трусливым» «маньяком»: «Если взять на себя неблагодарный труд проследить всю деятельность за последнее время г. Волинского, то убедишься, что вся его критико-философская деятельность вертится на оси зависти, где с одной стороны положена ненависть к г. Михайловскому, а с другой – к г. <Вл.> Соловьёву» [Глинский, 1896, с. 654].

«Статька Ф<лексера> о Козлове», которую упоминает Гуревич, – это статья Волинского в серии «Литературные заметки» в январском номере «Северного вестника» за 1891 г. Михайловский в статье «Похороны В. С. Курочкина» противопоставил людей с истинным «талантом» и людей с «искрой Божьей». Волинский не соглашается с этим противопоставлением: «Талант противопоставлен искре Божьей или, по крайней мере, отделён от неё. Талант – точно Монблан, или гроза... Вот пункт, против которого невольно бунтует наша мысль. Хочется возразить почтенному писателю, хотя, говоря со всею, приличествующую случаю, откровенностью, мы слишком высоко ценим память прошлых дней, с которыми имя г. Михайловского связано почти неразрывно, чтобы с равнодушием следить за тем, как рука времени с какою-то беспощадною невозмутимостью подносит к свету всё, что есть слабого, бледного в некоторых памятниках минувшего... <...> Г. Михайловский – писатель с истинным литературным талантом, совершенно законченным и, можно сказать, неподвижным» [Волинский, 1891, с. 150–151]. Волинский считает, что талант Михайловского «совершенно закончен» (статья «Похороны В. С. Курочкина», с. 150–153), и это подтверждает «Глава из романа “Карьера Оладушкина”. Видение натуралиста» в «Волжском вестнике» (с. 153–157). Потом, отталкиваясь от пьесы Толстого «Плоды просвещения», Волинский вспоминает вышедшую несколько лет назад книгу А. А. Козлова о Л. Толстом [Козлов, 1888]. Актуальность этой несколько запоздалой рецензии была вызвана новой публикацией того же автора на сходную тему [Козлов, 1891. Кн. 5; Козлов, 1891. Кн. 6; Козлов, 1891. Кн. 7; Козлов, 1891. Кн. 8; отд. изд.: Козлов, 1895; Козлов, 1896]. Волинский вновь пишет о Козлове, из-за которого у Михайловского произошёл в 1890 г. конфликт с Лесевичем.

Сам Волинский так вспоминал об этой полемике: «Только что появилась в журнале моя критическая заметка по поводу киевского профессора А. А. Козлова и Лесевича, – заметка резко полемическая, с выпадами против так называемого научного позитивизма. В ней я провозгласил себя метафизиком. Заметка моя вызвала сенсацию,

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 5–6 об. Окончание письма не сохранилось.

много толков и пересудов в правоверных кружках того времени. С. Н. Южаков поставил вопрос ребром, потребовав моего удаления из редакции. Но Анна Михайловна Евреинова, воспитанная в духе европейской образованности, толерантная к идеям, стала на мою сторону, и конфликт разрешился уходом из “Северного вестника” одного из главных его столбов» [Волынский, 2011, с. 67–83].

Позднее Волынский ещё не раз продолжал хоронить Михайловского; в частности, статью Михайловского «Литературное движение в России» во французском журнале «*Revue des Revues*» (1894, № 2, 3) он назвал «хорошим заключительным аккордом к его тридцатилетней публицистической деятельности» [Волынский, 1894, с. 98]. Полемицировал он с «Русским богатством» и после смерти Михайловского [Волынский, 1904, с. 523–524]. Михайловский не оставался в долгу, и неоднократно писал о Волынском – «весёлыми ногами».

19 февраля 1894 г. В. Г. Короленко писал Михайловскому из Нижнего Новгорода о своих домашних делах и о делах «Русского богатства». Завершал он письмо следующими словами: «А какой лётышек оказался в лице П. П. Перцова. Не знаю, читали ли Вы его глупости в „Волжском вестнике“. Надо полагать, с досады на „Русское богатство“ стал проповедовать „новую мозговую линию“ в Казани. Впрочем, теперь вышло что-то и в „Волжском вест<нике>“: его не видно вот уже около месяца»¹¹.

Выражение «новая мозговая линия» Короленко взял из той же статьи Волынского «Литературные заметки»: «Силой обстоятельств возник целый ряд вопросов и запросов, на которые нет ответа в талантливейших произведениях былых авторитетов. Время обнажило новый угол души, открыло новую мозговую линию, которой нужны жизнь, свет, яркие впечатления, свежие краски» [Волынский, 1891, с. 152]. Михайловский вскоре написал статью «О новых мозговых линиях» [Михайловский, 1892, с. 216–223], упомянул он этот оборот в статье «О некоторых явлениях французской жизни» [Михайловский, 1892, с. 235] и ещё очень долго помнил это выражение.

Он иронизировал по его поводу (1): «Меня всегда удивляли и, признаюсь, сердили те странные люди, которые время от времени высказывают в литературе с “новыми словами”, точно балаганный Петрушка из-за ширмы: выскочит, выкрикнет и опять за ширмы впредь до новейшего слова. Конечно, новые слова необходимы. Но, во-первых, они говорятся гораздо реже, чем думают люди с лёгкою мыслью и лёгким сердцем; во-вторых, люди с лёгкою мыслью и лёгким сердцем для провозглашения их отнюдь не годятся; в-третьих, наконец, только то новое слово значительно и прочно, которое не отрывает себя от прошлого. <...> Конечно, lapsus)ы возможны всякие, но я мог бы привести множество подобных удивительных изречений г. Волынского, только нет охоты, да и надобности возиться. <...> А он уже озабочен открытием “новой мозговой линии”. Одна “Неделя” столько на своём веку наоткрыла этих новых мозговых линий, что и не перечить. Этот тип открывателей новых мозговых линий очень любопытен; в своё время я с некоторою подробностью войду в его психологию» [Михайловский, 1891, № 4, с. 205].

¹¹ РГБ. Ф. 135. Разд. II. Папка 11. Л. 286–287. Копирвальная книга Короленко.

И ещё (2): «...только очень маленьким людям свойственно тешить своё самолюбие опорочением духовных предков или отрицанием их заслуг. Отсюда получается положение столь двусмысленное, что из него невозможно выбраться иначе, как с более или менее значительным нравственным ущербом. Люди эти по самой природе своей принадлежат к числу тех, о которых говорят, что они пороку не выдумают. А между тем они-то именно и жаждут его выдумать и пуще всего боятся, как бы кто не подумал, что они чужим пороком стреляют. Но так как в действительности своего-то у них нет, то они по необходимости заимствуют его из готовых складов, стараясь по возможности замаскировать свои источники. В этом направлении они доходят до самых некрасивых поступков, да иначе и быть не может. Как в самом деле сказать “новое слово”, когда его за душой нет? <...> Самый элементарный выход из затруднения состоит в том, чтобы анонсировать новое слово, но так при анонсе и остаться, а на деле тянуть никчёмную канитель, в которой ничего нового нет. Однако уже и этот простейший и сравнительно безобидный способ по необходимости сопровождается некоторою нравственною неопрятностью: читатель-то, во всяком случае, обманут. Например, смешной критик “Северного вестника” (мне приятно отметить, что и г. Сементковский находит его смешным) анонсировал открытие “новой мозговой линии”, на запросы которой бессильна ответить старая литература. Читатель естественно знал, что ему выяснят запросы вновь открытой мозговой линии, ведь это не шутка! – а вместе с тем и причины бессилия старой литературы; однако ничего такого не получил. <...> Видно, что человек не хочет быть эпигоном, а пороку не хватает, но и его мнимая самостоятельность, и его неблагодарность к предшественникам робко расплываются в неопределённых и ничего не говорящих, хотя и вычурных словах» [Михайловский, 1892, № 5, с. 154].

И ещё (3): «Прежде всего, кажется мне достойным внимания, что г. Розанов считает “недостатком” вообще отсутствие “какого-либо узора в мышлении”. Узоры ведь бывают разные, хорошие и скверные, и я думаю, всякий согласится, что лучше отсутствие узоров, чем скверные узоры. Но для “отказывающихся от наследства” очень характерно это пристрастие к узорам вообще, к узорам как таковым. Всмотревшись в их писания, вы видите, что простота и ясность мысли и даже изложения им действительно претят. Они заботятся не о фоне, а о “каких-либо” узорах и кривляются кто во что горазд до такой степени, что подчас и понять нельзя. <...> Г. Розанов хотя по временам и путается в собственном узорочном красноречии, но, по крайней мере, знает, во имя чего он отказывается, и это отнюдь не фантастическая “новая мозговая линия”, а прямо и откровенно – славянофильство. Мы увидим, однако, далее, что жажда какого-либо узора в мышлении не способствует различению подлинных узоров жизни» [Михайловский, 1900, с. 381].

И ещё (4): «Леконт де Лиль, Коппе и Сюлли-Прюдом – отсталые люди, с точки зрения декадентов и символистов, отпетые старики, мнения которых нисколько неинтересны, потому что где же им понять “новую мозговую линию”, выражаясь нашим нынешним русским языком, новое течение, смыывающее устарелый французский Парнас? Но и Поль Верлен, которому поклоняются все символисты, – признаётся: “о, я не всё у них понимаю, далеко не всё!”» [Михайловский, 1893, № 1, с. 151].

И ещё (5, 6): «Если символисты и переутомлены чем-нибудь, так уж, конечно, не наукой. В огромном большинстве случаев эти люди отнюдь не обременены ни знаниями в какой-нибудь специальной отрасли, ни привычкой к логическим приемам мышления, ни пониманием характера и пределов самого духа науки. <...> В среде таких скудных знанием и недисциплинированных умов, особенно если они группируются в обособленный кружок, в высшей степени легко возникают и прививаются всякие “новые слова”, всякие открытия “новых мозговых линий” и “новых углов души”»; «Однако этой простой, везде и всегда легко наблюдаемой механики движения ещё недостаточно для объяснения его распространения. Мало ли провозглашается “новых мозговых линий”, которые, однако, так на ступени провозглашения и остаются и либо никакого внимания к себе не привлекают, либо вызывают лишь презрительные улыбки»; «В тот же самый день вы можете, просматривая новую книжку журнала, прочитать в ней статью, в которой излагается совсем иная новая мозговая линия: молодому поколению надоело именно трезвое, научное мышление, и ему мало дела до таких пустяков, как экономические явления, оно в высь смотрит, в мистическую и метафизическую высь» [Михайловский, 1905, с. 74, 75, 241].

В статье о Н. И. Карееве (7): «В „Северном вестнике“, тоже с сердечной радостью, была открыта в молодёжи „новая мозговая линия“, направленная в сторону метафизики и мистицизма» [Михайловский, 1895, № 9, с. 75].

В статье «Кое-что о г. Чехове» (8): «Потребность идеала, мечты, чего-нибудь отличающегося от действительности и возвышающегося над ней слишком сильна в людях, чтобы по крайней мере те, кто призван поучать других, могли долго оставаться в пределах двух измерений, то есть на плоскости. Нужно, необходимо нужно и третье измерение, нужна линия вверх, к небесам, как бы кто эти небеса ни понимал и ни представлял себе. Нужна эта линия вверх хотя бы уже для того, чтобы можно было видеть что-нибудь дальше своего носа, окинуть глазом с некоторой высоты сколько-нибудь значительную часть действительности. Нужна она не только для руководства в практической жизни, а и для теоретического понимания действительности и даже для реабилитации её. И вот началась работа. Но строители нового здания о трёх измерениях, все эти открыватели “новых мозговых линий”, творцы “новых слов”, созидатели “ступеней новой красоты” – разбрелись разрозненно. Единодушны они были только в отрицании идеалов отцов и дедов. А затем, не говоря о юродствующих вроде г. Розанова, пляшущих в словесную присядку вроде г. Евгения Соловьёва и т.п., из которых каждый сам по себе и никакого течения не знаменует, мы видим, во-первых, людей, взобравшихся по ступеням новой красоты, может быть, и очень высоко, но в таком случае столь высоко, что оттуда действительности совсем не видно. <...> Отдельные ручейки, образовавшие это течение, иногда очень противоречили друг другу, так что, например, гг. Мережковский и Вольтинский принуждены были весьма непочтительно отзываться один о другом, но в общем течение может быть названо эстетическим, что ясно отпечаталось не только на художественных произведениях, а и на философии г-на Минского, и на критике гг. Вольтинского и Мережковского» [Михайловский, 1900, № 4, с. 133–134].

Мы видим, что когда Михайловский нападал на какую-то тему, то уж топтался на ней со всем своим удовольствием, «весёлыми ногами». Это уже не столько критика, сколько издевательство над неудачным выражением, над неловко сказанным словом. Это была дискредитация политического противника, и в таком случае все средства были хороши. Михайловский сам как будто забывает, что и ему случалось промахнуться и сказать как-то не вполне складно. Случай с «новой мозговой линией», конечно, уникален по количеству применений. Но это значит только, что Волынский как политический противник в глазах Михайловского выглядел такой силой, против которой нужно было пускать самую тяжелую технику. Легкой кавалерийской атакой тут было не обойтись.

Наши наблюдения позволяют атрибутировать Михайловскому одну работу его в «Русском богатстве», которая была опубликована анонимно и которая не привлекала внимания исследователей. По форме это рецензия на одно книжное издание. Но по сути – это замечательный по выразительности памфлет Михайловского на Волынского, который должен был возмутить спокойствие в том кругу, против которого он был направлен. Памфлет этот был напечатан в том же номере «Русского богатства», что и статья Михайловского о Карееве, в самом начале которой вновь упоминалось о «новой мозговой линии». Статья о Карееве была подписана и следовала сразу за разделом «Новые книги». Поэтому не заметить обращения к одному и тому же выражению читатель не мог. На это и рассчитывал Михайловский, публикуя свой памфлет.

Поскольку он, повторяем, никогда не привлекал внимания исследователей, ниже приводим его полностью, тем более что он прекрасно воплощает в себе принцип критики «весёлыми ногами».

Приложение

(Рецензия на кн.: Отрывки из дневника Дмитрия Брянского. Издал кн. А. Крапоткин. М., 1895).

Лермонтов когда-то назвал себя издателем записок Печорина; князь Крапоткин называет себя издателем дневника Брянского. Сходство между Лермонтовым и кн. Крапоткиным этим не ограничивается. Герой Лермонтова был «герой нашего времени», и точно так же кн. Крапоткин мог бы назвать и своего героя: Брянский – натура волканическая, титаническая и демоническая, т.е. самая что ни есть героическая. Жаль только, что он не умеет и в то же время непременно хочет писать стихами, до того что даже свой дневник ведёт в стихотворной форме. Впрочем, для современного героя эта стихомания – черта не только не лишняя, но даже, пожалуй, необходимая. Кто же этот великий и таинственный Брянский? Кто тот, которого

раз встретишь,

Наедине ль, в толпе ль – заметишь

И не сравнишь его ни с кем.

Тревог и девственных стремлений

Его душа была полна;

О небе грезила она

В тоске мучительных сомнений.

Боже мой, да это г. Волынский, радостно воскликнули мы, прочитав эту характеристику. Критика «Северного вестника» действительно не сравнишь ни с кем, и душа его полна девственных стремлений, и о небе он грезит: «с нами Бог!» – восклицал он в одной своей статье и утверждал, что может «соприкасаться с бесконечностью». Дальнейшие черты характеристики ещё более утвердили нас в нашей догадке.

Отважный дух его горел
 Огнём тоски и размышленья;
 Он в жизнь внимательно смотрел,
 Не находя успокоенья.
 Но, проходя тернистый путь,
 Между неправдами земными,
 Он не решался обмануть
 Свой ум мечтаньями пустыми.

Ну, как же не г. Вольтер? Отважный дух... огонь, тоска и размышленья... без успокоенья... Lui! Toujours lui! Как восклицал Гюго. А под «неправдами земными» очевидно нужно подразумевать те грубые пинки и щелчки, которыми нелюбезные журналисты по временам награждают г. Вольтера. В дневнике рассказывается эпизод, который должен был бы рассеять последние наши сомнения. К г. Вольтеру, то бишь к Брианскому, приходит «товарищ» и говорит: протяните руку,

Чтобы ваш ближний не упал.
 Волнуясь, изложил он дело
 И продолжал: ругайтесь смело!
 Здесь знают ваш талант и ум,
 И вам профессора поверят.
 Не то... (он стал, как ночь, угрюм)
 Меня совсем вконец похерят.

Намёк совершенно прозрачен. Какой-то «товарищ», очевидно, зная «талант и ум» г. Вольтера, посоветовал ему: «ругайтесь смело», иначе нам с вами капут. Стих «и вам профессора поверят», конечно, надо читать: «и вам подписчики поверят». Что же касается до неизящного слова «похерят», то оно, конечно, употреблено только для рифмы к слову «поверят»...

Так-то оно всё так... Но где же в характеристике «новая мозговая линия», без которой г. Вольтер так же немислим, как каторжник без бубнового туза? В дневнике ни единым словом не упоминается об этой диковинной «линии», и мы стали сомневаться: точно ли под именем Брианского фигурирует г. Вольтер? Всё сходится, всё верно, но вот нет «новой мозговой линии», без которой нет, говорим мы, и самого г. Вольтера. Некоторый, правда очень отдалённый, намёк на эту «линию» мы таки нашли в дневнике. Именно, когда Брианский написал какой-то реферат, то один «профессор славный, хоть суровый» дал о нем такой отзыв:

Скрыть не могу я (он сказал),
 Что необычное явление
 В работе этой вижу я.
 Она писалась не шутя;
 В ней сила, смелость, вдохновенье,
 В ней знаний и труда запас.

Необычное явление, отмеченное силой, смелостью и вдохновеньем – такова именно и есть деятельность г. Вольтера. «Блажен, кто так, как вы трудился, сердечно поздравляю вас!» – сказал профессор Брианскому. Но точь-в-точь с таким же поздравлением обратилась наша журналистика к г. Вольтеру, когда он открыл свою «новую мозговую линию». Сердечно поздравляем вас – это мы все наперерыв говорили г. Вольтеру. И так, наша догадка и по этому важному пункту оказывается довольно хорошо защищённой. Таковы замечательные и для нас самих вполне неожиданные заключения, к каким мы пришли путём внимательного изучения труда князя Крапоткина. Его герой – не только герой, но и живое лицо. Правда, Брианский кончает самоубийством, а г. Вольтер здравствует, но это обычный авторский приём: ведь и Лермонтов говорил, что «Печорин умер, возвращаясь из Персии» [Б. п., 1895, с. 54–56].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

А. Г. [Рец.] Михайловский Н. К. Критические опыты. II. Щедрин. Москва, 1890 / А. А. Гатцук // Газета А. Гатцука. – 1890. – № 4. 6 февраля. – С. 74.

Б. п. Н. К. Михайловский / А. А. Гатцук // Газета А. Гатцука. – 1890. – № 14. 15 апреля. – С. 247–248.

Б. п. Новые книги / Н. К. Михайловский // Русское богатство. – 1895. – № 9. Отд. 2. – С. 54–56.

Волынский, А. Литературные заметки: Талант и искра Божия. – Глава из романа Н. К. Михайловского «Карьера Оладушкина». – «Плоды просвещения» гр. Льва Толстого. – Проф. Козлов о Толстом. – «Вопросы философии и психологии». – «Литературные чтения» С. А. Андреевского / А. Волынский // Северный вестник. – 1891. – № 1. Отд. 2. – С. 150–166.

Волынский, А. Литературные заметки. Г. Михайловский и его рассуждения о русской литературе / А. Волынский // Северный вестник. – 1894. – № 4. Отд. 2. – С. 98–121.

Волынский, А. Л. Ответ «Русскому богатству» / А. Волынский // Волынский А. Книга великого гнева: Критические статьи. Заметки. Полемика. – Санкт-Петербург: Издание С.-Петербургского товарищества «Труд», 1904. – С. 523–524.

Волынский, Аким. Антон Павлович Чехов: (Воспоминания критика о писателе) / А. Волынский // Наше наследие. – 2011. – № 98. – С. 67–83.

Ганейзер, Е. В. В. В. Лесевич – в письмах и воспоминаниях / Е. Ганейзер // Голос минувшего. – 1914. – № 8. – С. 44–96.

Глинский, Б. Б. Болезнь или реклама? / Б. Б. Глинский // Исторический вестник. – 1896. – № 2. – С. 618–655.

Гончаров, И. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. / И. А. Гончаров. – Санкт-Петербург: Наука, 2004. Т. 7. – 774 с.

Горнфельд, А. Г. Тридцать лет назад / А. Г. Горнфельд // Памяти Акима Львовича Волынского. – Ленинград: Всероссийский союз писателей, 1928. – С. 35–45.

Кареев, Н. И. Прожитое и пережитое / Н. И. Кареев. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1990. – 382 с.

Книгин, И. А. Творчество Салтыкова-Щедрина в оценке В. В. Чуйко / И. А. Книгин // М. Е. Салтыков-Щедрин: проблемы мировоззрения, творчества, языка: Материалы конференции. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 1991. – С. 105–114.

Козлов, А. А. Религия графа Л. Н. Толстого / А. А. Козлов. – Санкт-Петербург: Н. Д. Тяпкин, 1888. – 117 с.

Козлов, А. А. Письма о книге гр. Л. Н. Толстого «О жизни» / А. А. Козлов // Вопросы философии и психологии. – 1891. Кн. 5. – С. 1–33.

Козлов, А. А. Письма о книге гр. Л. Н. Толстого «О жизни» / А. А. Козлов // Вопросы философии и психологии. – 1891. Кн. 6. – С. 68–96.

Козлов, А. А. Письма о книге гр. Л. Н. Толстого «О жизни» / А. А. Козлов // Вопросы философии и психологии. – 1891. Кн. 7. – С. 69–102.

Козлов, А. А. Письма о книге гр. Л. Н. Толстого «О жизни» / А. А. Козлов // Вопросы философии и психологии. – 1891. Кн. 8. – С. 77–109.

Козлов, А. А. Письма о книге гр. Л. Н. Толстого «О жизни» / А. А. Козлов. – Москва: Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1891. – 126 с.

Козлов, А. А. Религия графа Л. Н. Толстого, его учение о жизни и любви / А. А. Козлов. – Санкт-Петербург: Типо-лит. И. А. Фролова, 1895. – 224 с.

Козлов, А. А. Нечто о «научной философии» и о научном философе / А. А. Козлов // Козлов А. А. Сочинения: в 4 т. – Мелитополь: ФЛП Т. В. Однорог; НПУ, 2017. – С. 96–119.

Короленко, В. Г. Полное посмертное собрание сочинений / В. Г. Короленко. – [Полтава]: Государственное издательство Украины, 1923. Т. LI. Письма. Кн. 2. – 190 с.

Лесевич, В. В. Религиозная свобода по эдиктам царя Асоки Великого / В. В. Лесевич // Вопросы философии и психологии. – 1889. № 1. – С. 185–210.

Лесевич, В. В. О чём поёт кукушка? / В. В. Лесевич // Лесевич В. В. Этюды и очерки. – Санкт-Петербург: Тип. М. М. Стасюлевича, 1886. – С. 355–363.

Лесков, Н. С. Собрание сочинений: в 11 т. / Н. С. Лесков. – Москва: ГИХЛ, 1958. Т. 6. – 686 с.

Лесков, Н. С. Собрание сочинений: в 11 т. / Н. С. Лесков. – Москва: ГИХЛ, 1958. Т. 7. – 570 с.

Литературное наследство. – Москва: Журнально-газетное объединение, 1934. Т. 13–14: Щедрин. II. – 721 с.

Мережковский, Д. С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы / Д. С. Мережковский. – Санкт-Петербург: Типо-литография Б. М. Вольфа, 1893. – 192 с.

Михайловский, Н. К. Страшен сон, да милостив Бог (Несколько слов г. Слонимскому) / Н. К. Михайловский // Русская мысль. – 1889. – № 3. Отд. 2. – С. 261–288.

Михайловский, Н. К. Страшен сон, да милостив Бог / Н. К. Михайловский // Русская мысль. – 1889. – № 5. Отд. 2. – С. 202–228.

Михайловский, Н. К. Страшен сон, да милостив Бог / Н. К. Михайловский // Русская мысль. – 1889. – № 6. Отд. 2. – С. 212–226.

Михайловский, Н. Литературные признаки времени / Н. К. Михайловский // Газета А. Гатцука. – 1890. – № 1. 12 января. – С. 14–16.

Михайловский, Н. Литературные признаки времени / Н. К. Михайловский // Газета А. Гатцука. – 1890. – № 2. 20 января. – С. 16–17.

Михайловский, Н. К. Литература и жизнь. Продолжение / Н. К. Михайловский // Русская мысль. – 1891. – № 4. Отд. 2. – С. 193–226.

Михайловский, Н. К. Литература и жизнь (Письма о разных разностях) / Н. К. Михайловский. – Санкт-Петербург: Общая польза, 1892. – 394 с.

Михайловский, Н. К. Литература и жизнь / Н. К. Михайловский // Русская мысль. – 1892. – № 5. Отд. 2. – С. 139–169.

Михайловский, Ник. Литература и жизнь / Н. К. Михайловский // Русская мысль. – 1893. – № 1. Отд. 2. – С. 145–169.

Михайловский, Н. К. Литературные воспоминания и современная смута. Т. I / Н. К. Михайловский. – Санкт-Петербург: Изд. ред. журнала «Русское богатство», 1900. – 507 с.

Михайловский, Н. К. Литературные воспоминания и современная смута. Т. II / Н. К. Михайловский. – Санкт-Петербург: Ред. ред. журнала «Русское богатство», 1905. – 496 с.

Михайловский, Н. К. Литература и жизнь / Н. К. Михайловский // Русское богатство. – 1895. – № 9. Отд. 2. – С. 75–100.

Михайловский, Н. К. Литература и жизнь. Кое-что о г. Чехове / Н. К. Михайловский // Русское богатство. – 1900. – № 4. Отд. 2. – С. 133–134.

Пименова, Э. К. Дни минувшие: Воспоминания / Э. К. Пименова. – Москва; Ленинград: Книга, 1929. – 196 с.

Украинец. Революционеры и естественный ход событий / В. В. Лесевич // Вестник «Народной воли». – Женева, 1883. – № 1. – С. 111–138.

Чуйко В. В. М. Е. Салтыков (Опыт литературной характеристики) / В. В. Чуйко // Наблюдатель. – 1889. – № 6. – С. 188–212.

REFERENCES:

A. G. [Rec.] Mihajlovskij N. K. Kriticheskie opyty. II. Shchedrin. M., 1890 / A. A. Gatsuk // Gazeta A. Gatsuka. – 1890. – № 4. 6 fevralya. – S. 74.

B. p. N. K. Mihajlovskij / A. A. Gatsuk // Gazeta A. Gatsuka. – 1890. – № 14. 15 aprelya. – S. 247–248.

B. p. Novye knigi / N. K. Mihajlovskij // Russkoe bogatstvo. – 1895. – № 9. Otd. 2. – S. 54–56.

Chujko V. V. M. E. Saltykov (Opyt literaturnoj harakteristiki) / V. V. Chujko // Nablyudatel'. – 1889. – № 6. – S. 188–212.

Ganejzer, E. V. V. Lesevich – v pis'mah i vospominaniyah / E. Ganejzer // Golos minuvshogo. – 1914. – № 8. – S. 44–96.

Glinskij, B. B. Bolezn' ili reklama? / B. B. Glinskij // Istoricheskij vestnik. – 1896. – № 2. – S. 618–655.

Goncharov, I. A. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: in 20 vol. / I. A. Goncharov. – Sankt-Peterburg: Nauka, 2004. Vol. 7. – 774 s.

Gornfel'd, A. G. Tridcat' let nazad / A. G. Gornfel'd // Pamyati Akima L'vovicha Volynskogo. – Leningrad: Vserossijskij soyuz pisatelej, 1928. – S. 35–45.

Kareev, N. I. Prozhitoe i perezhitoe / N. I. Kareev. – Leningrad: Izd-vo LGU, 1990. – 382 s.

Knigin, I. A. Tvorchestvo Saltykova-Shchedrina v ocenke V. V. Chujko / I. A. Knigin // M. E. Saltykov-Shchedrin: problemy mirovozzreniya, tvorchestva, yazyka: Materialy konferencii. – Tver': Tverskoj gos. un-t, 1991. – S. 105–114.

Kozlov, A. A. Religiya grafa L. N. Tolstogo / A. A. Kozlov. – Sankt-Peterburg: N. D. Tyapkin, 1888. – 117 s.

Kozlov, A. A. Pis'ma o knige comte L. N. Tolstogo «O zhizni» / A. A. Kozlov // Voprosy filosofii i psihologii. – 1891. Part 5. – S. 1–33.

Kozlov, A. A. Pis'ma o knige comte L. N. Tolstogo «O zhizni» / A. A. Kozlov // Voprosy filosofii i psihologii.– 1891. Part 6.– S. 68–96.

Kozlov, A. A. Pis'ma o knige comte L. N. Tolstogo «O zhizni» / A. A. Kozlov // Voprosy filosofii i psihologii.– 1891. Part 7.– S. 69–102.

Kozlov, A. A. Pis'ma o knige comte L. N. Tolstogo «O zhizni» / A. A. Kozlov // Voprosy filosofii i psihologii.– 1891. Part 8.– S. 77–109.

Kozlov, A. A. Pis'ma o knige comte L. N. Tolstogo «O zhizni» / A. A. Kozlov.– Moskva: Tipol.-it. t-va I. N. Kushnerev i K°, 1891.– 126 s.

Kozlov, A. A. Religiya grafa L. N. Tolstogo, ego uchenie o zhizni i lyubvi / A. A. Kozlov.– Sankt-Peterburg: Tipol.-it. I. A. Frolova, 1895.– 224 s.

Kozlov, A. A. Nechto o «nauchnoj filosofii» i o nauchnom filosofe / A. A. Kozlov // Kozlov A. A. Sochineniya: in 4 vol.– Melitopol': FLP T. V. Odnorog; NPU, 2017.– S. 96–119.

Korolenko, V. G. Polnoe posmertnoe sobranie sochinenij / V. G. Korolenko.– [Poltava]: Gosudarstvennoe izdatel'stvo Ukrainy, 1923. Vol. LI. Pis'ma. Part 2.– 190 s.

Lesevich, V. V. Religioznaya svoboda po ediktam carya Asoki Velikogo / V. V. Lesevich // Voprosy filosofii i psihologii.– 1889.– № 1.– S. 185–210.

Lesevich, V. V. O chyom poyot kukushka? / V. V. Lesevich // Lesevich V. V. Etyudy i ocherki.– Sankt-Peterburg: Tip. M. M. Stasyulevicha, 1886.– S. 355–363.

Leskov, N. S. Sobranie sochinenij: in 11 vol. / N. S. Leskov.– Moskva: GIHL, 1958. Vol. 6.– 686 s.

Leskov, N. S. Sobranie sochinenij: in 11 vol. / N. S. Leskov.– Moskva: GIHL, 1958. Vol. 7.– 570 s.

Literaturnoe nasledstvo.– Moskva: ZHurnal'no-gazetnoe ob"edinenie, 1934. Vol. 13–14: Shchedrin. II.– 721 s.

Merezhkovskij, D. S. O prichinah upadka i o novyh techeniyah sovremennoj russkoj literatury / D. S. Merezhkovskij.– Sankt-Peterburg: Tipol.-itografiya B. M. Vol'fa, 1893.– 192 s.

Mihajlovskij, N. K. Strashen son, da milostiv Bog (Neskol'ko slov m. Slonimskomu) / N. K. Mihajlovskij // Russkaya mysl'.– 1889.– № 3. Otd. 2.– S. 261–288.

Mihajlovskij, N. K. Strashen son, da milostiv Bog / N. K. Mihajlovskij // Russkaya mysl'.– 1889.– № 5. Otd. 2.– S. 202–228.

Mihajlovskij, N. K. Strashen son, da milostiv Bog / N. K. Mihajlovskij // Russkaya mysl'.– 1889.– № 6. Otd. 2.– S. 212–226.

Mihajlovskij, N. Literaturnye priznaki vremeni / N. K. Mihajlovskij // Gazeta A. Gatcuka.– 1890.– № 1. 12 yanvara.– S. 14–16.

Mihajlovskij, N. Literaturnye priznaki vremeni / N. K. Mihajlovskij // Gazeta A. Gatcuka.– 1890.– № 2. 20 yanvara.– S. 16–17.

Mihajlovskij, N. K. Literatura i zhizn'. Prodolzhenie / N. K. Mihajlovskij // Russkaya mysl'.– 1891.– № 4. Otd. 2.– S. 193–226.

Mihajlovskij, N. K. Literatura i zhizn' (Pis'ma o raznyh raznostyah) / N. K. Mihajlovskij.– Sankt-Peterburg: Obshchaya pol'za, 1892.– 394 s.

Mihajlovskij, N. K. Literatura i zhizn' / N. K. Mihajlovskij // Russkaya mysl'. – 1892. – № 5. Otd. 2. – S. 139–169.

Mihajlovskij, Nik. Literatura i zhizn' / N. K. Mihajlovskij // Russkaya mysl'. – 1893. – № 1. Otd. 2. – S. 145–169.

Mihajlovskij, N. K. Literaturnye vospominaniya i sovremennaya smuta. T. I / N. K. Mihajlovskij. – Sankt-Peterburg: Izd. red. zhurnala «Russkoe bogatstvo», 1900. – 507 s.

Mihajlovskij, N. K. Literaturnye vospominaniya i sovremennaya smuta. T. II / N. K. Mihajlovskij. – Sankt-Peterburg: Red. red. zhurnala «Russkoe bogatstvo», 1905. – 496 s.

Mihajlovskij, N. K. Literatura i zhizn' / N. K. Mihajlovskij // Russkoe bogatstvo. – 1895. – № 9. Otd. 2. – P. 75–100.

Mihajlovskij, N. K. Literatura i zhizn'. Koe-cto o g. Chekhove / N. K. Mihajlovskij // Russkoe bogatstvo. – 1900. – № 4. Otd. 2. – S. 133–134.

Pimenova, E. K. Dni minuvshie: Vospominaniya / E. K. Pimenova. – Moskva; Leningrad: Kniga, 1929. – 196 s.

Ukrainee. Revolyucionery i estestvennyj hod sobytij / V. V. Lesevich // Vestnik «Narodnoj voli». – Geneva, 1883. – № 1. – S. 111–138.

Volynskij, A. Literaturnye zametki: Talant i iskra Bozhiya. – Glava iz romana N. K. Mihajlovskogo «Kar'era Oladushkina». – «Plody prosveshcheniya» cjmte L'va Tolstogo. – Prof. Kozlov o Tolstom. – «Voprosy filosofii i psihologii». – «Literaturnye chteniya» S. A. Andreevskogo / A. Volynskij // Severnyj vestnik. – 1891. – № 1. Otd. 2. – S. 150–166.

Volynskij, A. Literaturnye zametki. M. Mihajlovskij i ego rassuzhdeniya o russkoj literature / A. Volynskij // Severnyj vestnik. – 1894. – № 4. Otd. 2. – S. 98–121.

Volynskij, A. L. Otvet «Russkomu bogatstvu» / A. Volynskij // Volynskij A. Kniga velikogo gneva: Kriticheskie stat'i. Zametki. Polemika. – Sankt-Peterburg: Izdanie S.-Peterburgskogo tovarishchestva «Trud», 1904. – S. 523–524.

Volynskij, Akim. Anton Pavlovich Chekhov: (Vospominaniya kritika o pisatele) / A. Volynskij // Nashe nasledie. – 2011. – № 98. – S. 67–83.

Примечание

Статья написана по материалам тома «Литературное наследство», который посвящен журналу «Русское богатство», и в ней использованы тексты, подготовленные ныне покойной М. Г. Петровой и М. А. Фроловым, которому я приношу свою благодарность за разрешение опубликовать их.